

— Нет! Только на мгновение. Я позову императора, и он увидит повреждённую дамбу, естественно, накажет чиновника, отвечающего за реку, и Первый принц тоже не избежит наказания.

Вань Мэй прикусила нижнюю губу:

— Затем дамбу починят, и ничего страшного не случится.

— Глупо.

Цзян Синсю был категоричен.

Жители горы Цзиншань действительно несчастны.

— Возвращайся, веди себя скромно, не показывайся перед императором, пока он сам не вспомнит о тебе — ты ещё новая, он не будет долго сердиться. Тогда прямо подашь жалобу, опустившись на колени, говори мягко, но настойчиво, покажи, что только император может решить твою проблему, что ты искренне любишь его и приблизилась к нему не ради своих обид, а из любви. Не бей в барабаны, чтобы подать жалобу.

Цзян Синсю пристально посмотрел на неё:

— Как правильно выразиться, я думаю, тебе объяснять не нужно.

После охоты, когда они покинули Хуанхэ и продолжили западное путешествие, чиновник, назначенный Первым принцем, был разжалован императором.

С Первым принцем ничего не случилось, вероятно, вань Мэй поняла, что нельзя торопиться, и сдержалась.

Цзян Синсю изучил доказательства против чиновника: взяточничество, вымогательство, создание клик, продажа должностей — всё это было подтверждено. Неудивительно, что император наказал его. Император не стал бы портить свою репутацию мудрого правителя ради женщины, но с доказательствами дело обстояло иначе.

С доказательствами можно было создать легенду о том, как мудрый император, прибыв на место, сразу распознал коррумпированного чиновника.

Кроме того, Цзян Синсю узнал кое-что ещё.

Вань Мэй была дочерью этого чиновника. Он был когда-то начальником округа, и Первый принц, отправленный туда по делам, получил в подарок его дочь. Первый принц завязал с ней роман в стиле «Летнего дождя и лотоса», но, как и в истории с Лотосом, вернувшись в столицу, он быстро забыл о ней, окружив себя другими женщинами.

Вань Мэй возненавидела и отца, и Первого принца.

Изначально она не планировала искать покровительства у императора, но отец чуть ли не силой заставил её приблизиться к Первому принцу. Она согласилась, чтобы спасти себя, но в итоге влюбилась, а затем стала жертвой неверности.

Вань Мэй ненавидела Первого принца, но ещё больше — отца, разрушившего её жизнь.

Император в своих покоях изучал только что полученные сведения.

Его мнение о Первом принце упало до минимума.

Как император, он мог не быть образованным или искусным в военном деле, но должен был уметь управлять подданными и выбирать подходящих людей. Назначение на столь важный пост человека, которого так легко подставить и выставить в плохом свете, говорило о некомпетентности Первого принца.

Что касается ваньи Мэй...

Император усмехнулся.

Женщина, сама пришедшая к нему, была слишком хороша, чтобы от неё отказываться. Он помнил, что в одном из дворцов на пути был свободный покой, и решил оставить её там. В следующий раз, когда он отправится в западное путешествие, он мог бы вспомнить о ней.

По пути во дворец слуга Пятого принца подъехал к карете Цзян Синсю.

— Пятый брат зовёт меня?

Цзян Синсю приоткрыл занавеску. Внутри кареты он увидел Восьмого принца, который из-за юного возраста тоже не мог ехать верхом и теперь дремал.

Слуга улыбнулся:

— Да, Пятый принц просит Одиннадцатого принца присоединиться к нему в карете.

— Хорошо.

Восьмой принц открыл глаза, взглянул на Цзян Синсю и снова закрыл их.

Хотя Шестой принц пытался заручиться его поддержкой, поручив следить за Цзян Синсю, сейчас он явно не мог последовать за ним в карету брата.

Не его дело.

Цзян Синсю вошёл в карету Пятого принца и спросил:

— Пятый брат, что ты хотел сказать?

— Эта ванья Мэй, что ты планируешь с ней делать?

— Ванья Мэй?

Цзян Синсю удивился:

— Что мы можем сделать? Она ведь наложница императора.

Пятый принц:

— Я имел в виду, что ты, кажется, недолюбливаешь её. Я могу помочь, чтобы она внезапно заболела и умерла.

Цзян Синсю действительно не испытывал симпатии к ванье Мэй. Её трудности, её гнев, её вынужденные действия — всё это заставило его указать ей путь, который вызовет недовольство

императора, хотя он мог бы предложить лучшее решение. Но...

— Не надо. Лишние действия могут привести к ошибкам, не стоит рисковать ради неё.

Она всё равно не сможет добиться успеха при императоре.

Караван медленно двигался, приближаясь к дворцу, построенному предшествующим императором для западных путешествий.

Дворец насчитывал более тысячи помещений, и Цзян Синсю получил комнату с горячим источником. Увидев покои Пятого принца, он сказал:

— Пятый брат, у тебя здесь прекрасное место, врезанное в скалу, с видом на небо. Давай поменяемся!

Пятый принц без колебаний согласился, не оповещая слуг, кроме самых доверенных. Цзян Синсю лёг на кровать в покоях Пятого принца, ожидая неприятностей.

Он ещё при входе почувствовал дискомфорт, но, будучи Владыкой Пурпурной Завесы, он не боялся неожиданностей, а вот Пятый принц, с его ограниченной подвижностью, мог попасть в беду.

Прошла ночь, и ничего не случилось. Цзян Синсю уже начал сомневаться в своей интуиции, когда снаружи раздался шум.

Из дверей внешнего зала выбежала растрёпанная, полураздетая красавица и бросилась на колени перед императором:

— Умоляю, Ваше Величество, защитите меня!

Стража шагнула вперёд, прикрывая императора. Император опустил взгляд:

— Кто ты?

Красавица, рыдая, ответила:

— Я — дочь начальника столичного управления. Вчера я почувствовала головокружение, упала, а когда очнулась, оказалась в этом дворце. Пятый принц... он...

Император:

— Что он сделал?

Красавица встала, словно набравшись смелости, и, указывая на свои растрёпанные одежды, со слезами на глазах, рыдая, сказала:

— Он положил руку мне на талию, обнял и не отпускал. Я сопротивлялась изо всех сил, но как я могла противостоять мужчине. В борьбе он сорвал с меня одежду... Ох, он, как зверь, он... он... сначала так... потом так... и, наконец, вот так!

Она зарыдала.

Она сопровождала свои слова жестами, и императору на мгновение показалось, что он не слушает жалобу, а наблюдает за любовной игрой.

— Он силой прижал меня к себе, совершая непотребства...

Красавица смотрела на императора с мольбой в глазах:

— Я кричала, звала на помощь, звала отца, звала Ваше Величество... но никто в этом дворце не откликнулся!

Император, глядя на прекрасное лицо красавицы, почувствовал волнение. Хотя он и не верил всему, что она говорила, но мысль о том, что Пятый принц мог увлечься ею, казалась правдоподобной.

Начальник столичного управления, искавший дочь, упал на колени:

— Умоляю, Ваше Величество, защитите нас! Мою дочь, выращенную в неге шестнадцать лет, уже готовили к замужеству, я выбрал для неё достойного жениха, но теперь... Умоляю, защитите нас!

Император бросил взгляд на красавицу. Такая красота могла смутить даже самого стойкого юношу.

Но принц — это господин, а дочь чиновника — слуга. Как может господин извиняться перед слугой?

Начальник столичного управления был чиновником третьего ранга, и его дочь могла бы стать принцессой.

Если это была ловушка? Тогда это проблема Пятого принца, но дочь начальника столичного управления была достаточно знатной.

Император равнодушно сказал:

— В таком случае, пусть Пятый принц женится...

В глазах дочери начальника мелькнула радость.

Начальник слегка опустил голову, словно считая, что это справедливая компенсация.

Но прошло несколько секунд, а продолжения не последовало.

Начальник поднял голову и увидел, что взгляд императора устремлён за его спину, а Пятый принц стоит перед ним — точнее, перед входом в зал.

Пятый принц улыбался, но в его улыбке чувствовалась холодность.

Он был весь в росе, явно только что пришёл с улицы.

Начальник широко раскрыл глаза.

Пятый принц не был в своих покоях? Невозможно! Это же его дворец. Их люди сообщили, что он точно здесь!

— Мне понравились покои Пятого брата, и я уговорил его поменяться. Поскольку все вещи были на месте, мы не стали беспокоить слуг. Следы на этой женщине явно свежие, так что...

Позади раздался детский голос:

— Это я трогал её за талию?

Начальник резко обернулся и увидел Цзян Синсю, стоящего у входа.

<http://bllate.org/book/16223/1457372>